

Василий Потто

Том 1

От древнейших времен до Ермолова

Том 2

Ермоловское время

Том 3

Персидская война 1826—1828 гг.

Том 4

Турецкая война 1828—1829 гг.

Том 5

Время Паскевича, или Бунт Чечни

Василий Потто

КАВКАЗСКАЯ
ВОЙНА

Том 2

ЕРМОЛОВСКОЕ ВРЕМЯ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 63.3
П64

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Потто В.А.
П64 Кавказская война: В 5 томах. Т. 2: Ермоловское время. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 591 с.

ISBN 978-5-521-73329-3 (Т. 2)

ISBN 978-5-9524-3151-5

Фундаментальный труд выдающегося военного историка, генерала русской армии В.А. Потто охватывает период Кавказской войны с начала XVI века по 1831 год.

Многие годы в разных местах автор собирал разрозненные документы и материалы с одной целью — извлечь из забвения и связать в одно стройное повествование драматические и героические события, которые, развиваясь и усиливаясь, определили совершенно особую роль Кавказской войны в нашей истории.

Во 2-й том вошли события Ермоловского времени на Кавказе.

ББК 63.3

ISBN 978-5-521-73329-3 (Т. 2)
ISBN 978-5-9524-3151-5

© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ

Ермоловское время Кавказской войны, которому посвящен этот второй том, отличается особым характером, требующим обдуманного изложения. События шли тогда в таком сложном и смешанном порядке, что среди них легко запутаться и потерять ту общую связь, то единство идеи Ермолова, которые между тем были именно отличительными чертами времени его. Сегодня действия происходили в Чечне, завтра — в Дагестане, послезавтра — в Чечне и Кабарде, в Закавказье, на Кубани и так далее, так что в этой сумятице мелочной борьбы легко затеряться, если излагать ее в хронологическом порядке. Между тем, ближе взглядевшись в целый ход событий десятилетнего периода, в который Ермолов управлял Кавказом, невозможно не заметить того обстоятельства, что весь Кавказ тогда распадался на несколько почти самостоятельных театров военных действий: Чечню, Дагестан, Кабарду, Прикубанье, Закавказье, из которых каждый направлялся стройно к определенным целям, а вместе представляли собой стройное целое, полное смысла. Сообразно с этим и автор, предпослав в первой статье о Ермолове сжатый очерк событий всей ермоловской эпохи и выяснив их значение в истории всей Кавказской войны, затем, при изложении подробном, уже разделил историю этого времени на отдельные части, из которых каждая обнимает собой события отдельного театра действий. Именно: первый выпуск посвящается общему обзору деятельности Ермолова и Чечне, второй — Дагестану, третий — Кабарде и Прикубанью, четвертый — Закавказью и началу персидской войны 1826—1828 годов. От такого изложения история Кавказской войны чрезвычайно выплывает в ясности, ничего не теряя в достоверности и последовательности.

I

ЕРМОЛОВ

Но се — восток подьмет вой!..
Поникни снежной головой,
Смирись, Кавказ, — идет Ермолов!

А. Пушкин

...И ты, Ермолов незабвенный,
России слава, горцам страх,
Чье имя, как завет священный,
Штыками врезано в горах...

Домонтович

1816 годом, когда на Кавказе появляется Ермолов, начинается новый, обильный блестящими последствиями, период русско-го владычества в крае. Кавказские войска с восторгом узнали о назначении главою их Ермолова, героя Бородина и Кульма, любимца народной молвы, стяжавшего себе громкую славу и качествами опытного и талантливово вождя, обходимого официальными реляциями, но популярнейшего в войсках и своей неподкупной честностью, и своей истинно русской душой, и меткими злыми островами над господствовавшими тогда всюду в России «немцами», народное нерасположение к которым усилилось недавней народной войной 1812 года. Даже в блестящей плеяде деятелей того недавнего прошлого нашей народной и государственной жизни Ермолов принадлежит к числу тех немногих, на которых во все грядущие века с удивленным вниманием и глубоким сочувствием остановится взор всякого русского, кому дорога русская национальная слава.

Природа, казалось, самой внешностью хотела отметить любимого витязя русских войск. «Из ряда людей, прославленных Отечественной войною, из тесного круга деятелей государственных, —

говорит о нем историк Ковалевский, — возвышается величаяя фигура, выдающаяся из всех других. Мужественная голова со смелой и гордой посадкой на мощных плечах, привлекательные очертания лица, соразмерность членов и самые движения свидетельствуют о великой нравственной и физической силе Ермолова, этого необыкновенного человека». И вдохновенный русский поэт с полным правом мог воскликнуть: «Смирись, Кавказ, — идет Ермолов!»

Личная судьба Ермолова, как известно, может служить разительным примером непостоянства и переменчивости земного счастья, но потомство ценит только заслуги перед отчизной, и в его глазах несправедливость судьбы только возвышает славного вождя, не всегда ценимого своими современниками.

Начало блистательного военного поприща Ермолова захватывает еще славные екатерининские времена, и с первых же шагов он был замечен гениальным Суворовым, из рук которого получил Георгиевский крест. Родившись 24 мая 1777 года в Москве, он, по тогдашнему обыкновению, еще в детстве записан был в гвардию. Князь Юрий Владимирович Долгоруков отвез его в Петербург в 1792 году, когда Ермолову минуло пятнадцать лет, а он имел уже чин капитана гвардии. Зачисленный в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе, он, однако, остался в Петербурге адъютантом при генерал-прокуроре графе Самойлове, у которого отец Ермолова был тогда правителем канцелярии.

Пытливый молодой ум не давал, однако, Ермолову погрузиться в чисто практическую службу, и постоянные занятия военными науками скоро привели его в Шляхетский артиллерийский корпус, выгоднее других тогдашних учебных заведений обставленный научными средствами. В 1793 году Ермолов выдержал требовавшийся тогда для перевода в артиллерию экзамен с особым отличием и, в составе корпуса Дерфельдена, уже артиллеристом, выступил в поход против Польши. Здесь-то он и имел случай обратить на себя особенное внимание Суворова, лично назначившего ему, после штурма Праги, орден Святого Георгия 4-й степени.

Польский поход был для Ермолова началом целого ряда лет, проведенных среди бранных тревог и опасностей. Отправленный вскоре в Италию, он, с австрийской армией, сделал кампанию против французов, а по возвращении в Россию назначен был в корпус графа Валериана Зубова, шедший на Персию, участвовал во взятии Дербента и ходил к Ганже против аги Мохаммед-хана, двигавшегося навстречу русским с огромным войском и восемнадцатью слонами. Здесь в первый раз Ермолов познакомился с Кавказом, глубоко заинтересовался его судьбами и полюбил его всей душой, видя в то же время недостатки управления и политики в

нем, грозившие стране столькими бедами. Впоследствии мысль сделаться начальником Кавказского края стала лучшей мечтой его жизни.

Ермолову было только девятнадцать лет, а он уже имел за Персидский поход Владимирский крест и чин подполковника. Но, со вступлением на престол императора Павла, в его судьбе все вдруг круто изменилось. Войска, участвовавшие в походе в Персию, получили приказание немедленно возвратиться в Россию, и весь отряд отступил на Терек, где его ожидал, по выражению Давыдова, «своенравный граф Гудович, плывавший гневом за то, что не ему было вверено начальство над Экспедиционным корпусом». Избегая встречи с ним, многие пробрались степью прямо в Астрахань; в числе их был и Ермолов.

Вскоре случилось новое обстоятельство, надолго совершенно устранившее Ермолова от военной деятельности. Между офицерами армейских полков, квартировавших в Смоленской губернии, развилось сильное неудовольствие из-за крутых мер и преобразований, вводимых новым императором, и особенно из-за опалы, постигшей тогда любимого фельдмаршала Суворова. По доносу смоленского губернатора было назначено следствие, и между скомпрометированными офицерами был родной брат Ермолова по матери, Коховский, а письма, найденные у него, замешали в дело также и Ермолова. Он очутился в Петропавловской крепости, но так как невиновность его была скоро обнаружена, то его выпустили, а вслед за тем внезапно арестовали опять и без объяснения причин сослали в город Кострому, где в то время жил в ссылке же знаменитый впоследствии граф Матвей Иванович Платов. Изгнанники часто проводили время вместе и, печальные, беседовали о подвигах своих соратников на Альпийских горах. Это было время бессмертного Итальянского похода Суворова.

Ссылка помешала Ермолову участвовать в этом славном походе, но время бездействия не пропало для него даром. В своем уединении он изучал латинский язык и читал Цезаря, в то время как новый цезарь и наш славный Суворов, один после другого, оглашали громом побед те самые места, которые видели некогда предводимые Цезарем римские когорты.

По вступлении на престол Александра Павловича Ермолов был из ссылки возвращен. Но определение его снова на службу долго встречало большие затруднения. «С трудом, — говорится в записках Ермолова, — получил я роту конной артиллерии, которую колебались мне поверить, как неизвестному офицеру между людьми новой категории. Я имел за прежнюю службу Георгиевский и Владимирский ордена, был употреблен в Польше и против перси-

ян, находился с австрийской армией в приморских Альпах, но все сие ни к чему мне не послужило, ибо неизвестен я был в экзерциргаузах¹ и чужд Смоленского поля, которое было школой многих знаменитых людей нашего времени».

Испытания, посланные судьбой Ермолову, несомненно, закалили его и без того сильный характер, укрепили в нем силу воли. Но самолюбие его от того не менее страдало при мысли, что многие из товарищей и сверстников далеко обошли его в службе и могли сделаться в недалеком будущем его начальниками. К тому же колкий язык Ермолова, его смелые и язвительные замечания приобрели ему сильного врага в лице инспектора всей артиллерии графа Аракчеева.

Всем был известен острый ответ его по поводу замечания Аракчеева о худобе казенных строевых лошадей. Аракчееву оставалось только притвориться тогда не понявшим ответа, но Ермолов скоро почувствовал на себе всю тяжесть начальнического гнева. В это-то время он писал: «Мне остается или выйти в отставку, или ожидать войны, чтобы с конца своей шпаги достать себе все мною потерянное».

В этих гордых словах сказалось только сознание своей силы — Ермолов знал себе цену. И действительно, когда война началась, Ермолов явился на ратном поле одним из замечательнейших деятелей, учителем многих старших себя по службе и, несмотря на все недоброжелательство к себе сильных и влиятельных людей, проложил себе дорогу к отличиям и сделался лично известен императору Александру Павловичу.

Первые блистательные подвиги совершены были Ермоловым в кампанию 1805 года, где он заслужил дружбу знаменитого князя Петра Ивановича Багратиона, продолжавшуюся до смерти последнего. За Аустерлицкое сражение Ермолов был наконец произведен в полковники. Но кажется, и эта награда была получена им только потому, что Кутузов выразил удивление, что отличный офицер, имевший два знака отличия времен Екатерины, девять лет сидит подполковником — почти небывалый случай при быстрых производствах тогдашнего времени.

Чин полковника был первой ступенью к быстрому служебному возвышению Ермолова, которому чрезвычайно много послужила кампания 1807 года. Ею начинается и эпоха необыкновенной популярности Ермолова в армии. После битвы при Прейсиш-Эйлау, где предводимая им конно-артиллерийская рота отстояла левый фланг русской армии, и Пален, и Бенигсен одновременно хода-

¹ Э к з е р ц и р г а у з — здание для строевой подготовки солдат (нем.).

тайствовали о награждении его орденом Святого Георгия 3-й степени. Но Георгиевский крест был дан молодому графу Кутайсову, Ермолов же получил Владимира 3-й степени. Князь Багратион почел несправедливость, нанесенную Ермолову, личным для себя оскорблением и жаловался цесаревичу. Ермолов, со своей стороны, тоже не считал нужным молча переносить обиду. И когда по приказанию начальника артиллерии Резвого Кутайсов потребовал от него списки отличившихся, он, представляя эти списки, написал ему: «Благодарю ваше сиятельство, что вам угодно известить меня, что вы были моим начальником во время битвы».

Истинные заслуги и дарования не нуждались, однако, в покровителях: за Голымин Ермолов получил золотую саблю, за Гейльсберг — алмазные знаки ордена Святой Анны 3-й степени и, наконец, за дело при Гутштадте и Пассарге добился-таки Георгия на шею, в котором на этот раз уже никто не мог отказать ему. Известность, приобретенная им в течение этой войны, была так велика, что одного удостоверения его оказалось достаточно, чтобы получили георгиевские кресты три штабс-офицера, отличившиеся на его глазах под Гейльсбергом. Когда солдаты наши замечали роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и видели его колоссальную гигантскую фигуру, они ободрялись и громко выражали уверенность, что «Ермолов за себя постоит».

Произведенный по окончании войны в генерал-майоры, Ермолов получил в командование гвардейскую артиллерийскую бригаду, а вслед за тем, по личному выбору государя, сделался начальником гвардейской пехотной дивизии. Попытку уклониться от этого почетного назначения с тем, чтобы ехать в Дунайскую армию, император Александр принял за интригу против Ермолова и приказал передать ему, что впредь все назначения его по службе будут зависеть от самого государя и что он ни в ком нужды не имеет.

Приезд Ермолова в Петербург, однако же, замедлился; он сломал руку и должен был надолго слечь в Киеве. Внимание государя простерлось до того, что он прислал курьера узнать о его здоровье и приказал уведомлять себя каждые две недели о ходе лечения.

«Удивлен я был сим вниманием, — пишет Ермолов, — и стал сберегать руку, принадлежащую гвардии; до того же менее заботился я об армейской голове моей».

Между тем наступил год, «памятный каждому россиянину, тяжкий несчастьями, знаменитый блистательной славой в роды родов» — год Отечественной войны, когда потребовались для спасения отчизны необычайные усилия и энергичные люди, и Ер-